

Съпоставително езикознание

СПИСАНИЕ НА СОФИЙСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ „СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ“
XLIV, 2019, № 1

СЪДЪРЖАНИЕ

СЪПОСТАВИТЕЛНИ ИЗСЛЕДВАНИЯ

- Виктория Ал. Лазарева, Елена Ю. Иванова – Неопределенный
артикле при имени собственном в болгарском и итальянском языках:
нетривиальность и интерпретационный потенциал 5

ТЕОРЕТИЧНИ ВЪПРОСИ НА ЕЗИКОЗНАНИЕТО

- Евгения Вучева – Теоретико-методологическа рамка за изучаването
на учтивостта 23

ДИСКУСИИ, ОБЗОРИ И НАУЧНИ СЪОБЩЕНИЯ

- Биргит Игла – Балкански паралели при заемане от ромски: *gàdže* < *gadžó*
и *уко̀мева* < *gotí* 37
- Христина Г. Марку – Концепцията за глаголният вид в гръцкото езикознание:
развой и основни проблеми. 45
- Кунка Молле – Две (не)възможни тези, свързани с определеността 58

**НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ
ПРИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОМ В БОЛГАРСКОМ
И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ: НЕТРИВИАЛЬНОСТЬ
И ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ¹**

Виктория Ал. Лазарева
Университет в Салерно

Елена Ю. Иванова
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье через призму референциального подхода рассматриваются болгарско-итальянские параллели в функционировании и семантических возможностях именных групп, представленных сочетанием неопределенного артикля и имени собственного-антропонима. Референциальный аспект анализа позволяет дать наиболее полное представление о возможностях речевых реализаций этих нетривиальных сочетаний, раскрывая семантико-функциональный потенциал как неопределенного артикля, так и имени собственного, занимающего особое место в системе языковых знаков в силу противоречия, существующего между его языковыми и речевыми характеристиками. Предлагаемые наблюдения позволяют расширить представления о семантическом вкладе грамматической категории определенности-неопределенности в интерпретацию высказывания.

The authors of the present article compare, through the prism of the referential approach, the functions and semantics of nominal groups composed by *indefinite article* + *proper name (anthroponym)* in Bulgarian and Italian languages. The referential approach reveals complex semantic structure and functional variability of both indefinite article and proper names. The analysis allows to consider in a broader perspective the semantical role of the category of definiteness / indefiniteness for the interpretation of the utterance.

Keywords: definiteness/indefiniteness; indefinite article, reference; proper name; Bulgarian language, Italian language

Ключевые слова: категория определенности-неопределенности, неопределенный артикль, референция, имя собственное, болгарский язык, итальянский язык

¹ Исследование осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-00444-ОГН «Грамматические категории в структуре клаузы».

Настоящая статья продолжает начатое нами исследование, посвященное употреблению неопределенного артикля в сопоставительном аспекте на материале болгарского и итальянского языков (Иванова, Лазарева/Ivanova, Lazareva 2018). В данной работе мы рассмотрим нетривиальную сочетаемость неопределенного артикля с именами собственными-антропонимами (далее – ИС). Обращение именно к этому особому употреблению неопределенного артикля (далее – НА) не только позволяет продемонстрировать его богатый семантический потенциал, но и помогает приблизиться к пониманию сущности тех модификаций и расширения интерпретационных возможностей, которые влечет за собой маркирование именной группы данным показателем. В то же время сочетаемость с НА раскрывает в ИС его сложную семантическую структуру и широкий спектр референциального варьирования².

Следуя принципу изложения, принятому в нашем предыдущем исследовании (Иванова, Лазарева/Ivanova, Lazareva 2018), мы будем описывать сочетания ИС_{НА} (имя собственное с неопределенным артиклем) с опорой на терминологическую систему Е.В. Падучевой и в рамках основных денотативных статусов: субстантивных, т.е. термовых, так или иначе вводящих в рассмотрение внеязыковые объекты, и предикатных, при которых именное выражение не соотносится с объектами, а означает свойство. Напомним, что именно в ряду субстантивных выделяются референтные (определенно-референтные, слабоопределенные, неопределенно-референтные) и нереферентные (экзистенциальные, родовые, универсальные) классы употреблений, фиксирующие многообразие способов соотношения языкового выражения с объектами внеязыковой действительности (Падучева/Paducheva 1985: 86–101). Итак, далее мы рассмотрим способность НА оформлять именные группы с ИС в 1) референтных; 2) нереферентных и 3) предикатных употреблениях.

1. Референтные употребления ИС_{НА}

1.1. Определенно-референтные именные группы (далее – ИГ). Парадоксальным образом сочетание ИС_{НА} – это единственный случай, когда именное выражение с НА может претендовать на статус определенно-референтного. Исключительность этой референции в болгарском языке находит отражение в том, что *един* имеет здесь эмфатическое употребление, приближающее его к интенсифицирующей частице (Иванова/Ivanova 2009: 39). В (Станков/Stankov 1995: 127) отмечается, что интенсифицирующее функционирование *един* характеризует предикативные ИГ в нереферентном употреблении. Как видим, возможны отступления от этого общего правила.

² Подробное о знаковой специфике и проблемах референции имени собственного см. (Лазарева/Lazareva 2017).

Данное употребление применимо, только если референт, обозначенный ИС, обладает общепризнанными незаурядными качествами. *Един* при сочетании с таким именем, сохраняющим свое определенно-референтное значение, выражает высокую прагматическую оценку референта говорящим, как в примерах (1) – (3). Заметим, что в (3) сочетаются разные употребления *един*: эмфатическое и – в сегменте *Един Паскал трябва да е хиляда нютоновци* – отсылка к количественному значению.

(1) **Защо един Александър Божинов** – величие в художествения и обществен живот, което всяка нация би искала да притежава, е осъден от народния съд на една година затвор (Г. Данаилов)³.

‘Почему человек такой величины, как Александр Божинов, значимая фигура художественной и общественной жизни, которого любой народ хотел бы иметь в своих рядах, был осужден народным судом на год заключения’

(2) Аз не вярвам, че **един Вазов** е писал с оглед на педагогически цели. Ако той пише «Новото гробище над Сливница», то е защото той е развълнуван, той живее тоя живот... (В. Свинтила, БНК).

‘Я не думаю, что великий Вазов писал в педагогических целях. Если он пишет „Новото гробище на Сливница“, то только потому, что он взволнован, он живет этой жизнью....’

(3) Това вече не се понася! Да съпоставят мен с Нютон – **един Паскал** е много повече! **Един Паскал** трябва да е хиляда нютоновци! **Един Паскал** е нещо много! (А. Мелконян, БНК).

‘Это уже невыносимо! Сравнить меня с Ньютоном! **Паскаль** – это гораздо больше! На **одного Паскаля** нужны тысячи ньютоновцев! **Паскаль** – это нечто грандиозное!’

У такого употребления может появляться дополнительное экземплифицирующее (иллюстрирующее, вводящее объект в качестве примера) значение (4)-(6): иногда оно выражено эксплицитно с помощью соответствующих лексем, как вводное слово *например* в (5), либо включением в цепочку имен (6). По-видимому, в позициях именного сказуемого (5)-(6)

³ Иллюстративный материал в данной статье составляют примеры, извлеченные из лингвистических корпусов: Болгарского национального корпуса (БНК, www.ibl.bas.bg), итальянского корпуса публицистических текстов «La Repubblica Corpus» (LRC, <http://sslimit.unibo.it/repubblica>), итальянского корпуса письменной речи «Corpus di riferimento dell'italiano scritto» (CORIS, <http://corpora.dslo.unibo.it/TCORIS/>), в небольшой мере – из других интернет-источников (И) и художественных произведений.

Перевод на русский язык осуществлен авторами статьи. В переводах мы выделяем полужирным шрифтом сегменты и/или отдельные элементы, функционально соответствующие болгарским и итальянским ИС_{НА}.

экземплифицирующий контекст определенно-референтного употребления ИС_{НА} является единственно возможным. При этом во всех случаях сохраняется эффект прагматической значимости референта для говорящего:

(4) Достатъчно е човек да погледне почерка на **един Бетховен**, за да се увери, че краснописът не е най-важното човешко качество (Г. Данаилов).

‘Достаточно взглянуть на почерк, **например, великого Бетховена**, чтобы убедиться, что каллиграфическое письмо – не самое главное качество человека’

(5) Все още вдясно има лидери, които са се вкопчили в политиката по такъв начин, че покрай тях не вирее друг политик. Това е **един Иван Костов** например (И).

‘Среди правых все еще есть лидеры, которые настолько сильно переплелись с политикой (букв. вцепились в политику), что ни один другой политик подле них не „растет“. Это/Таков, например, **Иван Костов**’

(6) Това са гениите, които красят човешкия род, които сияят като звезди, които сочат пътя на човечеството. Това са пророците, какъвто е **един Шекспир, един Данте, един Гьоте, един Достоевски** (А. Прахов, БНК).

‘Это гении, которые украшают род человеческий, которые сияют подобно звездам, указывая путь человечеству. Это такие **великие** пророки, как **Шекспир, Данте, Гете, Достоевский**’

В итальянском языке наблюдается аналогичное употребление НА в экземплифицирующих контекстах, ср.:

(7) Soavi, molto intelligentemente cerca di nobilitare, nei suoi limiti, il cinema di genere, toccando temi e contenuti che apparterebbero a un cinema più alto, di **un Tarkovskij** o di **un Kubrick** (LRC).

‘Соави разумно старается облагородить, насколько это в его силах, подобное кино, обращаясь к темам, которые принадлежат более высокому кинематографу, **например, Тарковскому** или **Кубрику**’

Однако употребления *in* + ИС в позиции подлежащего вне показателей экземплификации (как в болгарском языке, ср. пример *Един Паскал е нещо много!* ‘Паскаль – это нечто грандиозное!’) не отмечены. Болгарской подлежащей ИГ *един* + ИС соответствует в итальянском языке развернутая компаративная номинация с неопределенным артиклем – *uno come X* ‘такой человек, как X’ и без эффекта прагматической значимости референта, как в (8). Пример (9) показывает возможность употребления компаративной номинации в роли агенса, выраженного дополнением, а прагматическая значимость референта для говорящего обусловлена общеизвестностью ИС и контекстом:

(8) Lo conferma anche **uno come Pietro Villa**, giovane operaio rivoluzionario di Prima linea (LRC).

‘Это хорошо видно **на примере такого человека, как Пьетро Вилла** [букв.: это подтверждает и такой человек, как Пьетро Вилла], молодого рабочего революционера «Первой линии»’

(9) Ci ha definito ‘quattro mocciosi’: se non provenisse da **uno come Celentano** la considereremmo un’offesa. Ma detta da lui è solo una trovata per farsi pubblicità (LRC).

‘Он назвал нас «четырьмя сопляками». Если бы это было сказано кем-нибудь другим, а не **Челентано** [букв.: а не таким человеком, как Челентано], мы бы посчитали это оскорблением. Но для него это всего лишь очередной рекламный ход’

В обоих языках НА может маркировать определенно-референтные употребления ИС и в контекстах метонимического переноса:

(10) Помня **един Реноар** – пѣт пѣти ходих да го гледам в Лондон, 5 пѣти... (И).

‘Помню **одну картину Ренуара**: пять раз ходил смотреть на нее в Лондоне, 5 раз...’

(11) Tra le opere sequestrate c’è anche **un De Chirico** (И).

‘Среди изъятых произведений и **картина Де Кирико**’

1.2. Слабоопределенные ИГ. Типичными контекстами для слабоопределенных ИГ являются интродуктивные предложения, как бы подготавливающие почву для последующей конкретизации объекта (Арутюнова 1976: 221; Станков 1995: 122). Обычно в интродуктивных предложениях вводимый объект обозначается именем нарицательным, поскольку считается, что сообщение об имени объекта в структуре связного текста является лишь вторым этапом после утверждения о его существовании, напр.: *Жил-был один мальчик. Звали этого мальчика Коля.* Н.Д. Арутюнова отмечает, что совмещение двух этапов – сообщения об экзистенции и именовании характерно лишь для особых случаев трансформации ИС, подобно тому, когда рассказчик, не зная имени героя, превращает какой-либо его ситуативный признак в ИС, напр.: *Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб*, где *ашик-кериб* имеет и нарицательное значение (Арутюнова 1976: 359–360).

Наши наблюдения показывают, что введение НА как раз снимает это ограничение. Обозначение объекта в интродуктивном предложении посредством *един* + ИС предполагает совмещение этапов сообщения о существовании и именовании, где *един* – это еще остаток сообщения об экзистенции, а ИС – уже этап именованья:

(12) Имаме в селото **един Рамон**. Учен човек е, фелдшер, ама луда глава. Ако реши, ще ви помогне и без пари (Л. Николов, БНК).

‘Есть у нас в селе **один Рамон**. Ученый человек, фельдшер, но сорви-голова. Если решит помочь вам, сделает это и без денег’

Возможны и другие контексты, помимо интродуктивных, в которых говорящий, будучи неуверенным в осведомленности собеседника, оформляет ИС как слабоопределенное имя:

(13) – Абе, искам да ви питам нещо... Случайно... Съвсем случайно да познавате **един Веско, Веселин** – на двацет и една години е, и той е такава... хипи... – Веселин, Веселин... – Боян напрегна паметта си... Познавам го Веско – заяви. – Само че му викаме Зевс (А. Игов).

‘– Я вот что хочу спросить у вас... Случайно... Вы чисто случайно не знаете **такого Веско, Веселина**, ему двадцать один и он тоже такой ... хиппи... – Веселин, Веселин... – Боян напрег память... Знаю, знаю Веско – ответил он. – Только вот мы зовем его Зевс’

В болгарском языке именное выражение с *един* может указывать на сниженную релевантность референта в актуальном денотативном пространстве для обоих участников коммуникации или художественного повествования (Иванова, Лазарева 2018: 11–12). Тот же эффект может наблюдаться и при употреблении ИС_{НА}:

(14) Толкова ли не можеш да измислиш нещо друго? – Аз съм слаб в измислиците. Имаше между нашите **един Рене**, навигатор, пишеше стихове. Той по можеше... (А. Мелконян, БНК).

‘Прямо не можеш придумать ничего другого? – Я не силен на выдумки. Был у нас **один такой Рене**, навигатор, стихи писал. Вот он мог...’

(15) Нямаше деца и после си осинови **един Жорко**, мой връстник, често играехме у тях (В. Петров, БНК).

‘Не было у нее детей, и она усыновила **одного мальчика, Жорко**. Он был мой ровесник, мы часто играли у них’

В итальянском языке также допускается необычное нарушение поэтапной интродукции с непосредственным маркированием ИС неопределенным артиклем (16). Однако слабоопределенные ИГ с ИС чаще оформляются при помощи индетерминатива (*un certo* ‘один, некий’, как в (17), где ИГ *un certo Fabrizio* ‘один Фабрицио’ маркирует эпизодичность персонажа для общей линии повествования:

(16) <...> gli capita anche di sposarsi con Frances Lavinia Polidori, figlia di una inglese e di **un Gaetano Polidori**, anch’egli letterato (LRC).

‘ему довелось жениться на Фрэнсис Лавинии Полидори, дочери одной англичанки и **некоего Гаэтано Полидори**, тоже литератора’

(17) In casa abbiamo sempre detestato i nomi che finiscono in «izio», a causa di **un certo Fabrizio**, un imbroglioncello che affibbiò una solenne turlupinatura a mio padre (CORIS).

‘У нас дома всегда предвзято относились к именам на «ицио», и все по вине **одного Фабрицио**, мелкого мошенника, мастерски облопошившего моего отца’

1.3. Неопределенно-референтные ИГ. В болгарском языке этот тип неопределенности не маркируется НА при собственных именах, для этого служат местоимения *някой (си)* и *някакъв (си)* (Станков 1995: 119; Ничолова 2008: 206), как в (18)-(19):

(18) Температурата му е неимоверно висока и докторът предвижда скоро конца му. – Да – прибави той, – вика още и **някоя Марица**... Коя е, някоя българка... види се? (И. Вазов, БНК).

‘У него страшно высокая температура, доктор предвещает его скорую кончину. – Да – прибавил он, – все зовет **какую-то Марицу**... Что за Марица? Видимо, болгарка какая-то?’

(19) При дебелия Милчо от доста време работи **някакъв си Васил** от Червен бряг (Г. Стоев, БНК).

‘У толстяка Милчо уже давно работает **некто Васил** из города Червен бряг’

В итальянском языке, в отличие от болгарского, НА является главным носителем значения неопределенности и выступает системным маркером неопределенности для разных типов референциальных употреблений, в том числе и при ИС в неопределенно-референтных ИГ (20). Ср. также употребление в этом значении и упомянутого выше индетерминатива (*un certo* в (21):

(20) Di gambe meccaniche con cui si può anche ballare si parla nei romanzi di Dostoevski, e sono attribuite a **un Cernosvitof** che per altro mi è ignoto (G.A. Borghese).

‘О механических ногах, на которых можно даже танцевать, говорится в романах Достоевского, изобретение приписывается **некому Черносивову**, о котором, кстати, я ничего не знаю’

(21) Nell’ inchiesta, ancora alle prime battute, figurano anche altri costruttori, non di primissimo piano: Armando Nasca, e **un certo Zanotti** «non ancora compiutamente identificato» (LRC).

‘В расследовании, находящемся еще на начальной стадии, фигурируют и три застройщика, лица второстепенной значимости: Армандо Наска и **некто Дзанотти**, личность которого «еще точно не установлена»’

2. Нереперентные употребления ИС_{НА}

2.1. Экзистенциальные ИГ. ИС с *един* употребляются в контекстах снятой утвердительности, апеллируя к референту имени как эталонному носителю некоторых признаков, представителю некоторого рода объектов:

(22) Сега на нас, в България, ни трябва **един Ленърд Бърнстейн**. Помните какви великолепни лекции правеше той предимно за млада публика («Klassa.bg», И).

‘Сейчас Болгарии нужен **кто-нибудь вроде Леонарда Бернштейна**. Помните, какие прекрасные лекции он читал в первую очередь для молодой аудитории’

Аналогичные функции способен выполнять и итальянский НА, как в (23)–(24):

(23) Bisogna che cominciamo a crescerci in casa **un Sebastian Coe** (И).

‘Мы должны начать воспитывать у себя **такого политика, как Себастиан Коэ**’

(24) Se **un Canetti italiano** si mettesse ora a descrivere i suoi insegnanti, farebbe una galleria di donne...(LRC).

‘Если бы **какой-нибудь итальянский Канетти** стал описывать своих учителей, то получилась бы галерея женских типов’

2.2. Родовые ИГ. В болгаристике уже отмечалось, что «генерическое» *един* может сочетаться и с фамильными ИС: **Един Чалъков не може да си позволи такава неща** (Буров 2004: 136). Действительно, опора на генерализацию позволяет эксплицировать признаки отдельного представителя фамильного рода и рода вообще:

(25) а. Не можеше да се каже, че тази стая и въобще вилата бяха достойни за **един Лихтенфелд** (Д. Димов).

‘Нельзя было сказать, что эта комната, да и вообще вилла, была достойна **Лихтенфельдов**’.

б. Не!... – отговори Лихтенфелд. – Кажете го вие! Фон Гайер мисли, че аз се боя от Бронберг, а това е глупаво и ме нервира. **Един Лихтенфелд** не може да се бои от никого (Д. Димов).

‘Нет! – ответил Лихтенфельд. – Ну скажите же! Фан Гайер думает, что я боюсь Бронберга, а это глупо и раздражает меня. **Лихтенфельды** не могут никого бояться!’

В примере (25а) имплицитно, что Лихтенфельды богаты и взыскательны; а в (25б) – что Лихтенфельды смелы и благородны или, возможно, высокомерны. В данном случае мы считаем обоснованным говорить о родовой генерализации как одном из способов характеристики.

В литературе описываются следующие условия употребления «генерического» *един* при нарицательных именах: снятая дейктичность, вне-временной фон, модальный план возможности, необходимости, должностования, выражаемый сказуемым (Хауге/Hauge 1987; Станков/Stankov 1988: 105). Они помогают отличать родовые именные выражения с *един* от определенно-референтных ИГ идентичной структуры, имеющих количественное значение. Это применимо и для случаев употребления ИС с артиклем *един*. Ср. примеры (26)–(27), где именное выражение с фамильным ИС имеет определенно-референтное употребление, а *един* выступает в роли числительного:

(26) Момчето се беше запалило да поеме по пътя на баща си. Тайно от майка си смяташе да кандидатства в Академията на МВР. Жеков не каза нито «да», нито «не», но в себе си ликуваше. Още **един Жеков** се вричаше на професията, която за него беше съдба (Д. Петрунова).

‘Мальчик загорелся идти по стопам отца. Тайком от матери он собирался поступить в Академию МВД. Жеков не сказал ни «да», ни «нет», но все в нем ликовало. Еще **один Жеков** в профессии, которая для него была судьбой’

(27) Другите Мильовски, оставащи в Ресен, пазеха българското си съзнание и в 1941 г. с радост посрещнаха българската войска. **Един Мильовски**, Коста, бе сред задържаните от сърбите в антибългарския процес в Битоля към края на 20-те години (С. и Т. Радеви, БНК).

‘Другие Милевские, оставшиеся в Ресене, сохранили свое болгарское самосознание и в 1941 г. с радостью встретили болгарские войска. **Один из Милевских**, Коста, был среди задержанных сербами во время анти-болгарского процесса в Битоле к концу 20-х годов’

НА в итальянском языке также показывает возможность задавать родовое прочтение ИС:

(28) **Un Agnelli** non può stare più di due mesi all’opposizione («Corriere della sera», И).

‘**Человек, носящий фамилию/из рода Аньелли** [букв.: один Аньелли] не может находиться больше двух месяцев в оппозиции’

(29) E lui [Kennedy] avrebbe dovuto rispondere, sorridere, ringraziare, perché **un Kennedy** non può mai dare le dimissioni dall’essere un Kennedy. Neppure da morto (LRC).

‘Он [Кеннеди] должен бы был отвечать, улыбаться, благодарить, потому что **Кеннеди** [букв.: один Кеннеди] не может уйти в отставку и перестать быть Кеннеди. Даже будучи мертвым’

Второе употребление этого ИС в данном примере (*un Kennedy non può mai dare le dimissioni dall'essere un Kennedy*) является предикатным. К таким случаям мы сейчас и переходим.

3. Предикатные употребления ИС_{на}

В предикатном употреблении *един* может выполнять следующие функции, в целом близкие тем, которые он имеет при сочетании с именами нарицательным (ср. Иванова, Лазарева 2018: 19–25):

1) эксплицитовать акт уподобления, привнося дополнительные значения:

а) эмфатическое, которое подчеркивает высокую степень проявленности признака:

(30) Абе момче, страхотно свириш бе! Ама ти си **един Паганини!** (И)
‘Эй, мальчик, отлично играешь! Да ты **настоящий Паганини!**’;

б) усредняющее, которое указывает на обладание только данным признаком. Обратим внимание, что в (31) омонимичные ИГ *един Хамлет* получают разное прочтение в соответствии с денотативным статусом именного выражения: предикатным (‘всего лишь Гамлет’) и нереферентным экзистенциальным (‘такой человек, как Гамлет’):

(31) Кого представлява вашият герой? Кого представлява този несчастен интеллигент, попаднал в чужда среда, сред работници? – Девет десети от българската интеллигенция. – И в това е нейната трагедия. <...> Вашият герой е **един Хамлет**. Какво може да направи **един Хамлет**? («Литературен свят», БНК).

‘Кого олицетворяет ваш герой? Кого олицетворяет этот несчастный интеллигент, попавший в чужую среду, среди рабочих? – Девять десятых всей болгарской интеллигенции. – И в этом его трагедия. Ваш герой **всего лишь Гамлет**. Что может сделать **такой человек, как Гамлет?**’;

в) пейоративное, которое подразумевает недостаточную проявленность типичных признаков объекта или вообще ставит под сомнение наличие таких признаков (в русских переводах данное значение удачно передается фразеосхемами):

(32) А и той е **един Мегре!** Какъвто е заваян! (Ч. Шинов)
‘**Тоже мне Мегре!**/ Да **какой он Мегре!** Такой рассеянный....’.

2) маркировать условность подведения под понятийный класс, некатегоричность таксономии:

(33) Това [Кармен] е образ, който може години наред да бъде изучаван и развиван от една изпълнителка, и пак да не остане докрай разгадан. Може би най-трудно влязох в ролята, когато пях в Испания. Там видях и осъзнах, че всяка испанка всъщност е **една Кармен (И)**.

‘Это [Кармен] образ, изучению и раскрытию которого актриса может посвятить годы, так и не разгадав его до конца. Может быть сложнее всего я входила в роль, когда пела в Испании. Там я увидела и осознала, что любая испанка это, по сути, **Кармен**’

Обратим внимание на то, что итальянский НА, будучи системным маркером подведения под понятийный класс, при ИС не выражает дополнительного значения некатегоричности таксономии⁴, которое мы наблюдаем у болгарского *един* в предикатном употреблении (33).

Компаративно-интенсифицирующее *един*, как показано и в п. (1) выше, функционирует, скорее, подобно частице, нежели артиклю. В итальянском языке нами не отмечено сходное функционирование НА, хотя его эмфатическое употребление при именах нарицательных допускается в обоих языках (Иванова, Лазарева/Ivanova, Lazareva 2018: 25–28). Между тем, обнаруживается параллелизм в функционировании болгарского *един* и итальянского *in* в контекстах переносного, метафорического, употребления ИС, когда интенсификация подобия достигает своего предела, превращаясь в полное отождествление по признаковому содержанию (34)–(38). В (34) ИГ *един Айнциайн* в одном ряду с *голям художник* ‘великий художник’, *голям творец* ‘великий творец’ прочитывается как *голям/гениален учен* ‘великий, гениальный ученый’. Употребление ИС в нарицательном значении может получать графическое выражение посредством написания ИС со строчной буквы, как *един айнциайн* в (36):

(34) Не може най-популярният човек в страната да е никои – един задник. Това трябва да е **един Айнциайн**, голям художник, голям творец, писател, журналист... («Стандарт», БНК).

‘Самый популярный человек в стране не может быть никем – обычным придурком. Это должен быть **Эйнштейн**, великий художник, великий творец, писатель, журналист...’

(35) [Alvaro] raccontò che un giovane critico gli aveva dedicato un lungo saggio intelligente e favorevole, ma rimproverandolo alla fine di non essere **un Tolstoj** (LRC).

⁴ В сочетании с именами нарицательными и при особых условиях это значение может реализовать и итальянский НА (Иванова, Лазарева/Ivanova, Lazareva 2018: 25).

‘[Алваро] рассказал, что один молодой критик, положительно оценивший его творчество в обстоятельной и умной статье, в заключение обвинил его в том, что он не **Толстой**’

Метафорическая номинация полного соответствия признакам другого объекта характерна после глаголов становления и трансформации (36)–(38).

(36) Твоето е квази-теория – за да станеш един айнщайн, трябва да дадеш и уравнения и да сметнеш нещо, което ученице-практици да потвърдят опитно (И).

‘То, что ты предлагаешь, это квази-теория: чтобы стать эйнштейном, ты должен привести уравнения и придумать что-нибудь, что ученые-практики смогут подтвердить опытным путем’

(37) Il rischio <...> è che Cossiga diventi un Bossi (LRC).

‘Опасность состоит в том, что Коссига может стать **Босси**’

(38) Moustaki si trasforma in un Pinochet (LRC).

‘Мустаки превращается в **Пиночета**’

В обоих языках наибольшее семантическое сходство НА при ИС в предикатном употреблении проявляется в сочетаниях с согласованными или несогласованными определениями при метафорическом переносе, когда ИС выступает уже кодом не конкретного объекта, а, скорее, некоторого типа объекта с определенным комплексом признаков.

Набор характеризующих определителей, участвующих в семантическом расширении ИС, оказывается довольно стандартным для разных языков⁵. Условно их можно объединить в две группы: 1) маркеры альтернативного мира, задающие иной *временной* (39)–(40), *локальный* (41), (43) или *деятельностный* (42), (44)–(45), (48) пласт для проекции значимых для данной коммуникативной ситуации признаков, и 2) лексемы гипербализированного сходства со значением ‘настоящий’, ‘подлинный’, маркирующие высокую степень проявленности признаков (45–47).

(39) Да приемем, че Г-нов е авторът на песните, но тогава трябва да приемем, че Г-нов е един нов Омир! (И. Вазов, БНК).

‘Предположим, что Г-нов является автором этих песен, но в таком случае мы должны принять, что Г-нов – новый Гомер!’

(40) Накратко това е тя – Яненка Люцканова. Една модерна Клеопатра в XXI век. Красива и устремена да изпълни своите мечти (И).

‘Если коротко, вот такая она, Яненка Люцканова. Современная Клеопатра XXI века. Красивая и устремленная к своим мечтам’

⁵ Подробнее об этом см., например, (Лазарева 2017: 206–215).

(41) Иван Милев е **един български Густав Климт** (И).

‘Иван Милев – **болгарский Густав Климт**’

(42) Съществува единодушие по въпроса, че този автодидактичен архитект е **един Пикасо в архитектурата** (И).

‘Существует единодушное мнение, что этот архитектор-самоучка – **Пикассо в архитектуре**’

(43) Argentin è **un Kelly italiano**

‘Арджентин – это **итальянский Келли**’

(44) <...> e dicevi pure d’essere **un Napoleone, in amore** (LRC).

‘а еще говорил, что ты **Наполеон в любви**’

(45) Fossati è **un autentico Don Chisciotte del ciclismo** (G. Brera).

‘Фоссати **настоящий Дон Кихот велоспорта**’

Однако в болгарском языке, в отличие от итальянского, в сочетаниях с определениями, указывающими на не прямое прочтение ИС, допускаются оба варианта: с *един* и без него, ср. примеры выше (39–42) и (46–48):

(46) Тя е **истински Дон Кихот** — има невероятен хъс за работа («Новинар», И).

‘Она **настоящий Дон Кихот** – у нее необыкновенное стремление к работе’

(47) Ти си **цял Гарибалди** (И. Вазов, БНК).

‘Ты **просто Гарибальди!**’

(48) Федерер е **Пикасо на тениса** («Novsport.com», И).

‘Федерер – **Пикассо в теннисе**’

Полагаем, что в болгарском языке использование НА при метафорических переносах можно связать с большей экспрессивной нагрузкой высказывания. По замечанию Р. Ницоловой, опущение *един* при ИС с характеризующим определителем в прямом употреблении (напр. *Столичане искат да живеят в една чиста и подредена София* ‘Жители столицы хотят жить в чистой и прибранной Софии’), влечет за собой снижение экспрессивности высказывания (Ницолова/Nitsolova 2008: 102). Заметим, что в итальянском языке подобное опущение неопределенного артикля недопустимо, ср.: **una Roma indimenticabile** ‘незабываемый Рим’ (Renzi 2001: 344).

В исследованиях прошлых лет, рассматривающих артиклевые показатели болгарского языка на фоне данных других западноевропейских языков, отмечается ограниченность функций *един* при ИС в переносном употреблении в сравнении с артиклями немецкого (Грозева/Grozeva 1979: 17) и английского (Молхова/Molhova 1993: 92–93) языков. Наш материал,

как кажется, свидетельствует в пользу эволюции феномена и расширения сферы действия неопределенного артикля *един* при метафорически переосмысляемых ИС.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

1. Результаты исследования.

Проведенный сопоставительный анализ семантических и функциональных особенностей неопределенного артикля при именах собственных в болгарском и итальянском языках с позиций референциального подхода показал значительные совпадения в употреблении болгарского *един* и итальянского *un* в составе таких ИГ. Болгарское *един* обнаруживает функциональную эквивалентность итальянскому неопределенному артиклю в референтных, нереферентных и предикатных употреблениях. Употребления неопределенного артикля при именах собственных, отмеченные в обоих языках по всей шкале денотативных статусов и традиционно оцениваемые как нетривиальные, свидетельствуют о расширении сферы влияния артиклевых систем.

Как мы показали, в составе именных групп с именами собственными и болгарское *един* и итальянское *un* могут иметь нехарактерное для неопределенного артикля *определенно-референтное* употребление за счет проявления дополнительных семантических значений артиклевого показателя – эмфатического и экземплифицирующего, а также в метонимических переносах.

В обоих языках неопределенный артиклевый показатель при именах собственных может оформлять *слабоопределенные* употребления при интродукции или указании на сниженную релевантность референта. Отличия, выявленные для *неопределенно-референтных* именных групп с именами собственными, подтверждают расхождения, отмеченные нами для данной зоны неопределенности на примере именных групп с именами нарицательными (Иванова, Лазарева/Ivanova, Lazareva 2018): в болгарском языке при именах собственных это значение выражается неопределенными местоимениями, а в итальянском – неопределенным артиклем.

Как в болгарском, так и в итальянском языках неопределенный артикль может маркировать имена собственные в нереферентных экзистенциальных употреблениях, которые коррелируют с неопределенным статусом пропозиции и, как правило, с общеизвестным статусом имени собственного. В такого рода употреблениях неопределенный артикль задает семантическое переосмысление имени.

В обоих языках сочетание неопределенного артикля с именем собственным (как правило, фамильным) может иметь родовое прочтение при определенных контекстных условиях.

Как и в случае с именами нарицательными, ни болгарское *един*, ни итальянское *un* не образуют универсальные именные выражения, отсылающие ко всему множеству объектов, подводимых под данное понятие.

Предикатные употребления представлены сравнительно-уподобительными контекстами и метафорическими переносами, в которых неопределенный артикль выступает показателем семантического переосмысления имени собственного. Однако в болгарском языке, в отличие от итальянского, при относительно регулярном употреблении в метафорических переносах, *един* может и опускаться при наличии иных показателей непрямого толкования имени собственного (*истински Дон Кихот/един истински Шекспир*).

2. Теоретические выводы.

Приведенные наблюдения показывают, что болгарское *един* в сочетании с именами собственными, подобно итальянскому *un*, может иметь как собственно грамматические функции артиклевого показателя (в слабоопределенных именных группах), так и особые прагматические употребления (экземплифицирующее и эмфатическое), приближающие его к интенсифицирующей частице, а также задавать семантическое переосмысление имени.

В сочетаниях с именами собственными наиболее ярко проявляется сравнительно-уподобительное значение неопределенного артикля, которое балансирует на грани тождества и подобия и отражает широкий семантический потенциал данного артиклевого показателя. Это значение так или иначе присутствует в целом ряде употреблений: в определенно-референтных эмфатических и экземплифицирующих номинациях; в нереперентных экзистенциальных, родовых, а также предикатных именных группах. Именно данный семантический компонент лежит в основе особой – таксономической – функции неопределенного артикля при именах нарицательных, которая позволяет включать объекты в определенный класс на основе подобия признаков.

Нетривиальные сочетания неопределенного артикля с именами собственными раскрывают двойственную сущность данного артиклевого показателя, который может актуализировать и денотативный, и сигнификативный аспект семантики имени, проецируя его по всей шкале референциальных употреблений. Указанная семантическая двойственность обуславливает и способность неопределенного артикля задавать семантическое переосмысление имени в процессах метафорического и метонимического переносов, которые основываются на варьировании предметной и понятийной отнесенности знака.

Сопоставительное исследование употребления неопределенного артикля при именах собственных в болгарском и итальянском языках

подтверждает общие теоретические наблюдения, сделанные в нашей предыдущей работе на материале именных групп с именами нарицательными (Иванова, Лазарева/Ivanova, Lazareva 2018: 31–32). Мы показали, что в разных типах референциальных употреблений неопределенный артикль реализует свое инвариантное значение ‘один из многих возможных’, которое подразумевает множественность, наличие альтернатив. Неопределенный артикль снимает, ограничивает сигнификативную диффузность общего имени, индивидуализируя объект и перенося акцент с качественного на количественный тип информации. При сочетании неопределенного артикля с именами собственными происходят явления того же порядка, но с иной векторностью. Присоединение НА к собственным именам, в которых обычно денотативный компонент превалирует над сигнификативным, трансформирует семантическую структуру имени, снимает его референциальную определенность, вводя в поле потенциальной множественности, и открывает возможности для расширения его семантики в речи.

Наблюдения над функционированием неопределенного артикля при именах собственных, особенно возможность опущения болгарского *един* при наличии определителя характеризующей семантики как в прямом, так и в переносном употреблении (*една чиста подредена София/ чиста подредена София; един истински Дон Кихот/истински Дон Кихот*), а также особое для болгарского языка компаративно-интенсифицирующее употребление *един* (*един Паганини*), как представляется, подтверждают гипотезу о разном генезисе интенсифицирующего употребления неопределенного артикля в болгарском и итальянском языках. Как мы предположили в (Иванова, Лазарева/Ivanova, Lazareva 2018: 32), в болгарском языке оно обусловлено этимологическими связями *един* и охватывает крайние полюса богатого полисемического спектра числительного «един» (*всего лишь один – один некоторый – один единственный – уникальный*). Интенсифицирующее значение итальянского *un* развилось на базе собственно артиклевого классифицирующего значения в результате эллипсиса определителя интенсифицирующей семантики (*Oggi fa un freddo tremendo* ‘Сегодня [un] холод ужасный’ – *Oggi fa un freddo...* ‘Сегодня [un/ такой] холод’ – *Un freddo!* ‘[un /Какой] холод!’).

Представляется, что в случае дальнейшей грамматикализации *един* его интенсифицирующее значение при ИС типа *един Бетховен* ‘великий Бетховен’ может быть ослаблено.

REFERENCES/ БИБЛИОГРАФИЯ

- Arutyunova, N.D. 1976. Predlozheniye i yego smysl: Logiko-semanticheskiye problemy. Moskva: Nauka. [Арутюнова, Н.Д. 1976. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Москва: Наука.]

- Burov, S. 2004. Poznaniето v ezika na balgarite. Gramatichno izsledvane na kontseptualnata kategorizatsiya na predmetnostta. Veliko Tarnovo: Faber. [Буров, С. 2004. *Познанието в езика на българите. Граматично изследване на концептуалната категоризация на предметността*. Велико Търново: Фабер.]
- Grozeva, M. 1979. Upotrebata na slovoformata edin za izrazuvane ne neopredelenost v balgarskiya ezik, sapostavена s upotrebata na neopredelitelniya chlen ein v nemskiya ezik. – Sapostavitelno ezikoznanie, IV, № 5, 13–21. [Грозева М. 1979. Употребата на словоформата *един* за изразяване не неопределеност в българския език, съпоставена с употребата на неопределителния член *ein* в немския език. – *Съпоставително езикознание*, IV, № 5, 13–21.]
- Hauge, H.R. 1987. Opit za talkuvane na generichnata upotreba na edin v balgarski ezik. – In: *Vtori mezhdunaroden kongres po balgaristika. Dokladi 3: Savremenен balgarski ezik*. Sofiya, 442–447. [Хауге, Х.Р. 1987. Опыт за тълкуване на генеричната употреба на *един* в български език. – In: *Втори международен конгрес по българистика. Доклади 3: Съвременен български език*. София, 442–447.]
- Ivanova, YE.Yu., Lazareva, V.A. 2018. Neopredelennyu artikl' v bolgarskom i ital'yanskom yazykakh: funktsional'no-semanticheskiye paralleli. – Sapostavitelno yezikoznaniye, XLIII, № 3, 9–35. [Иванова, Е.Ю., Лазарева, В.А. 2018. Неопределенный артикль в болгарском и итальянском языках: функционально-семантические параллели. – *Съпоставително езикознание*, XLIII, № 3, 9–35.]
- Ivanova, YE.Yu. 2009. *Sopostavitel'naya bolgarsko-russkaya grammatika. T. 2: Sintaksis*. Sofiya: Veles. [Иванова, Е.Ю. 2009. *Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т.2: Синтаксис*. София: Велес.]
- Lazareva, V.A. 2017. *Имя собственное: проблемы референции*. Moskva: Indrik. [Лазарева В.А. 2017. *Имя собственное: проблемы референции*. Москва: Индрик.]
- Molhova, Zh. 1993. *Harakter i upotreba na chlena v balgarskiya i angliyskiya ezik*. Sofiya: UI «Kliment Ohridski». [Молхова, Ж. 1993. *Характер и употреба на члена в българския и английския език*. София: УИ «Климент Охридски».]
- Nitsolova, R. 2008. *Balgarska gramatika. Morfologiya*. Sofiya: UI «Sv. Kliment Ohridski». 2008. [Ницолова, Р. 2008. *Българска граматика. Морфология*. София: УИ „Св. Климент Охридски“.]
- Paducheva, YE.V. 1985. *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (referentsial'nyye aspekty semantiki mestoimeniy)*. Moskva: Nauka, 1985. (4-ye izd.: Moskva: YEditorial URSS, 2004. [Падучева, Е.В. 1985. *Высказывание и его соотношение с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва: Наука. (4-е изд.: Москва: Едиториал УРСС, 2004).]
- Stankov, V. 1988. Osobnosti na generichnata upotreba na determinatorite za opredelenost / neopredelenost v balgarskiya ezik. – *Balgarski ezik*, № 2, 99–106. [Станков, В. 1988. Особности на генеричната употреба на детерминаторите за определеност / неопределеност в българския език. – *Български език*, № 2, 99–106.]
- Stankov, V. 1995. Semantichni osobnosti na kategoriyata neopredelenost na imenata v balgarskiya ezik. – In: *Problemi na gramatichnata sistema na balgraskiya ezik*. Sofiya: Akademicheskо izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 87–150. [Станков, В. 1995. Семантични особености на категорията неопределеност на имената в българския език. – In: *Проблеми на граматичната система на българския език*. София: Академическо издателство «Проф. Марин Дринов», 87–150.]

Неопределителният член при собствените имена в български и италиански език: нетривиалност и интерпретационен потенциал

Виктория Лазарева

Елена Иванова

В статията чрез прилагането на референциален подход се разглеждат българо-италиански паралели във функционалния и семантичния потенциал на именните групи със собствени имена-антропоними, маркирани с неопределителен член. Референциалният аспект позволява най-пълно да се открият възможности на речевите реализации на тези нетривиални съчетания и да се представи семантико-функционалният потенциал както на неопределителния член, така и на собственото име, което заема по-особено място в системата на езиковите знаци поради противоречието между неговите езикови и речеви характеристики. Предлаганите наблюдения подпомагат разширяването на представата ни за семантичния принос на граматическата категория определеност-неопределеност в интерпретацията на изказването.

Виктория Ал. Лазарева

к.ф.н., научный сотрудник, доцент кафедры славистики.

Университет г. Салерно,

ул. Джованни Паоло II, 132

Италия, 84084, пос. Фицано

e-mail: vlazareva@unisa.it

Lazareva Viktoria Aleksandrovna

PhD in Philology

University of Salerno,

Via Giovanni Paolo II, 132,

Fisciano (SA), 84084, Italia.

Иванова Елена Юрьевна

д.ф.н., профессор кафедры славянской филологии.

Санкт-Петербургский государственный университет,

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: e.y.ivanova@spbu.ru

Elena Yu. Ivanova

Doctor of Sciences in Philology

Professor of the Chair of Slavic Studies

St. Petersburg State University,

7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034 Russia.